

20. Струве П.Б. Блюдение себя / П.Б. Струве // Русская мысль. – 1916. – № 1. – С.140-142.
21. Трубецкой Е. Развенчание национализма / Е. Трубецкой // Русская мысль. – 1916. – № 4. – С.79-87.
22. Шумигорский Е. Из записной книжки историка / Е. Шумигорский // Исторический вестник. – 1915. – № 3. – С.967-973.

РЕЗЮМЕ

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам российской периодической печати)

Цвиркун А.Ф. (Одесса)

В статье на основе материалов русской периодической печати анализируется общественное мнение России об «украинском вопросе» в годы Первой мировой войны. Материалы ведущих журналов либерального и «левого» направления позволяют сделать вывод о неприятии русским общественным мнением стремления украинцев сохранить и развивать свой язык и свою культуру и их стремление к автономии. Большинство авторов не видели различий между украинцами и русскими. Они рассматривали украинское национальное возрождение как следствие интриг внутренних и внешних врагов России – поляков и австрийцев. Либералов и «левых» объединяло стремление во что бы то ни стало сохранить многонациональную Российскую империю.

Ключевые слова: русская пресса, украинский вопрос, Первая мировая война, либералы, автономия, украинский язык, украинская культура.

SUMMARY

UKRAINIAN QUESTION DURING THE FIRST WORLD WAR (Based on materials of the Russian Periodical Press)

Tsvirkun A.F. (Odessa)

In the article, basing on materials of Russian periodicals, public opinion in Russia about the "Ukrainian question" during the First World War is analyzed. Materials of the leading liberal and "left" directed journals lead to the conclusion that Russian public opinion rejected Ukrainians desire to preserve and develop their language and their culture and their desire for autonomy. Most authors did not see the differences between the Ukrainians and Russian. They regarded Ukrainian national revival as a consequence of intrigues made by internal and external enemies of Russia – the Poles and Austrians. Liberals and the "Left" united by the desire keep the multinational Russian Empire by all means.

Keywords: Russian press, the Ukrainian question, the First World War, liberals, autonomy, the Ukrainian language, Ukrainian culture.

УДК 94(470+571) «1914/1915»:323.12

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1914–1915 ГГ.

«Конструктивное» русофильство или национальный прагматизм?

Ненашева З.С. (Москва)

У статті на основі нових архівних матеріалів показано, що ініціативи, започатковані в 1915 – на початку 1916 р. політично активними чехами-колоністами не змогли мати серйозного впливу на умонастрої російського істеблішменту. Насамперед не одержала підтримки ідея зруйнування Австро-Угорщини і створення «незалежної Чехії» при безпосередньому, на той момент практично винятковому сприянні Росії. Побудована на ідеологічному фетиші (яким було русофільство у всіх його трактуваннях і інтерпретаціях) їхня політична програма стала досить уразливою для критики. Пріоритет національно-державних завдань, очевидний для самих чехів, не вписувався в плани зовнішньополітичного відомства Росії. Запропонований чеськими колоністами варіант, що лише ідея створення незалежної чеської держави може розглядатися як основа процесу формування чесько-словацького війська в Росії, також не знайшов розуміння в російських вищих сферах по цілому ряду політичних і цілком матеріальних доводів. Чехам не вдалося консолідувати позиції різних російських структур, що займалися в ці роки військовими питаннями.

Ключові слова: чеський національний рух, Росія, русофільство, чеська держава, чесько-словацьке військо.

История создания массовых национальных воинских формирований в России сначала из представителей чешской и словацкой национальных диаспор, а затем из военнопленных для борьбы с Австро-Венгрией и Германией на стороне Антанты привлекала внимание многих зарубежных (в первую очередь чешских и словацких), а также отечественных исследователей. В сложную ситуацию попадет ученый, выразивший желание заняться подсчетом числа уже опубликованных по этой проблеме работ разного объема и содержания. Еще в середине 60-х годов XX в. в предисловии к своей книге А.Х. Клеванский, характеризуюя состояние чехословацкой буржуазной историографии, писал: «Трудно даже приблизительно подсчитать число вышедших в буржуазной Чехословакии книг, брошюр, журнальных и газетных публикаций, посвященных истории чехословацких политических организаций и воинских формирований в России в годы

Чешский вопрос в России накануне и в начале Первой мировой войны.

Одной из важных проблем, на наш взгляд, фактически фундамента для рассмотрения поставленной в статье проблемы, является такая: имела ли Россия накануне и в начале войны свою собственную концепцию по чешскому и словацкому вопросам?

Все более широкое и вполне обоснованное распространение в новейшей отечественной историографии получает тезис о том, что западно-славянское направление в российской политике занимало весьма специфическое место. Оно строилось исключительно на прагматичном фундаменте, особенно с чешской стороны, и исходило из необходимости решения практических задач, встававших перед чехами. Об этом свидетельствует амплитуда развития, характер чешско-российских общественно-политических отношений на протяжении длительного времени. Так, даже на пике своего развития, например, в 60-е – первой половине 70-х годов XIX в. или же на волне неославистского движения в начале XX в., они всегда были пронизаны прагматическими соображениями. Ориентация на Россию для чехов являлась, прежде всего, аргументом, поднимавшимся на-гора в моменты противостояния с центром, фактором, способствующим достижению ими политических и национальных прав в монархии Габсбургов. И такой подход не был чем-то незаметным для российских дипломатов и Санкт-Петербурга. В свою очередь, для Российской империи первостепенными оставались двусторонние отношения с Австро-Венгрией, будь-то союзницей, будь-то трудным политическим партнером или же возможным противником.

Высказывались ли чехами претензии к российской политической элите с обвинениями в

первой мировой войны и двух революций» [17, с.3].

Однако это обстоятельство не уменьшает значение каждой из попыток посмотреть на события тех лет в новом ракурсе. Эта проблематика в широком контексте истории Первой мировой войны несомненно будет интриговать историков, публицистов, писателей, издателей и т.д. еще долгие годы.

Причем у отечественных исследователей, включающихся в ее разработку в последнее время, появилась возможность привлечь к анализу отдельных сюжетов источники, прежде малодоступные или закрытые по разным причинам для предшественников. После внимательнейшего знакомства с огромным блоком литературы и, особенно, с материалами нескольких российских архивов, в которых сконцентрированы важнейшие документы, касающиеся истории Первой мировой войны, была выбрана тема этой статьи.

непонимании, в недостаточной оценке политического потенциала чешских национальных амбиций? Конечно, причем неоднократно. Однако чешский фактор, в более широком контексте чешский вопрос долгое время не рассматривался российской дипломатией как самостоятельный и уж тем более как международный. Была ли в этом случае Россия одинока? Специалисты, занимающиеся международными отношениями накануне Первой мировой войны, практически едины во мнении, утверждая, что чешская проблема не стояла на повестке дня у европейских политических игроков. Аксиомой являлось положение, что именно империя Габсбургов как неделимое целое служила залогом европейского равновесия, несмотря на то, что чешско-немецкая конфронтация усиливала кризисные явления во внутренней жизни Цислейтании [21, с.20].

О том, какие настроения имели хождение, например, в российском Министерстве иностранных дел свидетельствует множество опубликованных и до сих пор мало известных документов. Если попытаться охарактеризовать их общую тональность, то получится, что лояльность к империи Габсбургов была главной чертой чешского национального движения накануне Первой мировой войны¹.

¹ Вот, пожалуй, основной тезис, который был наиболее распространен и в отечественной историографии вплоть до последнего десятилетия. Конечно, в разные периоды развития исторической науки в нашей стране авторы по-своему интерпретировали политические процессы, проходившие в Австро-Венгрии. Так, в работах, опубликованных в середине 80-х годов XX в., в отличие от трудов периода абсолютного доминирования марксистской методологии в 50-60-е годы, от-

Разумеется, Санкт-Петербург был хорошо информирован о политическом климате в Чешских землях. Заявления о приверженности идее равноправия наций, которая стойким рефреном звучала уже в начале XX в. в публицистике и партийных документах большинства чешских политических партий, воспринимались в России как чисто тактический ход. Для русских наблюдателей более значимым было убеждение чешских лидеров в том, что отстаивание идеи объединения земель Чешской короны (что являлось альфой и омегой абсолютного большинства чешских общественных деятелей) не затрагивало главного – не ставило под сомнение существование монархии Габсбургов. А такой стратегический подход был определяющим для российского правительства.

Лишь полное разочарование в политике Вены привело к тому, что некоторые чешские политики начали разработку чешской государственно-правовой программы с учетом различных внешнеполитических предпочтений. Этот поворот подтверждается ярким примером отказа чехов от конструктивного, предусматривавшего проведение ряда серьезных реформ австрославизма и его основы – лояльности.

Что касается ситуации, сложившейся в начале Первой мировой войны, то весьма убедительную, хорошо аргументированную точку зрения, причем с использованием российских материалов, многие оригиналы которых долгое время по разным причинам не были доступны исследователям, сформулировал Ярослав Папоушек еще в начале 30-х годов XX в. [26]. Магия этой концепции сохраняется и поныне. По убеждению этого ученого, накануне войны программу разрушения Австро-Венгрии не могла иметь ни Россия, ни Франция, ни Англия. Такое развитие событий они воспринимали «с опасением».

Между тем, на наш взгляд, позиция России заметно отличалась от взглядов ее партнеров. Российский министр иностранных дел в сентябре 1914 г. не раз говорил о реорганизации принципиального характера Австро-Венгрии. Так, в беседе с послом Франции М. Палеологом он признавал возможность ее триализации. В результате Чешское королевство, включавшее Чехию, Моравию и Словакию, уравнилось бы в правах с королевством св. Иштвана. В середине сентября во время приема делегации чехов, проживавших в России, С.Д. Сазонов не только подтвердил, но и уточнил свою позицию. «Воссоздание вполне самостоятельного Чешского королевства стоит в планах русского правительства» [20, с.118-119], – заявил он на этой встрече. Од-

нако ни «русские чехи» в тот момент, ни чешские политические лидеры в монархии Габсбургов не были удовлетворены этим обещанием. Более того, и историки на протяжении нескольких десятилетий не увидели в этом высказывании способности и готовности России к провозглашению независимого чешского государства. И те, и другие, и третьи указывали на отсутствие публичных официальных заявлений на высшем уровне на этот счет.

И чешские и отечественные исследователи в унисон твердили, что слова «самостоятельное государство» не означали государственный суверенитет. Ставилась под сомнение и сама «освободительная идея» войны, о которой говорилось в августовских воззваниях российского императора и Верховного главнокомандующего, особенно когда речь шла о западных славянах. В частности и Я. Папоушек вынужден был признать, что нельзя сказать, что Россия не имела специальной славянской программы, она у нее была. Однако определялась она в значительной степени принадлежностью того или иного славянского народа к православной вере. Война, с точки зрения исследователя, не могла внести в эту концепцию изменения. Согласно глубокому убеждению этого ученого, царь в своем манифесте хотя и говорил о славянстве в целом, но имел в виду славян лишь «близких по вере и крови» [26, с.7-11].

В этом контексте встает вопрос, насколько справедлив этот тезис, что же помешало российским властям сделать еще один шаг навстречу чешским вождям?

Между тем 28 октября 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов получил для ознакомления Докладную записку, в которой говорилось, что «судьба Австрии должна считаться решенной уже бесповоротно: ни маленькой, ни большой Австрии уже больше не должно быть в числе государств Европы». В результате глубочайших геополитических преобразований пространства практически всей, а не только Центральной Европы Чехия и Моравия должны были «составить совершенно самостоятельное государство» или могли соединиться с Россией «в виде автономного государства», если «того пожелали бы» [2, л.135-139об.], – говорится в этом документе. При этом горячий протест вызвало предлагавшееся чешскими политиками и российскими публицистами решение судьбы словаков. Слишком мало было оснований, по мнению автора, для вхождения Словакии в состав «Чехо-моравского королевства». Более органичным был другой вариант: включить словацкие земли, в «географическом отношении» тяготевшие к Угорской Руси, к России, предоставив словакам «некоторую автономию». Следует признать, что словацкий вопрос рассматривался автором записки в тесной взаимосвязи с судьбами

мечалось, что лояльность эта базировалась «на представлениях о желательности, на возможности» преобразования Цислейтании в федерацию равноправных наций. См. подробнее: [18, 13].

других наследников монархии Габсбургов. Самым лучшим вариантом было бы их добровольное, учитывая различные предпочтения, вхождение в состав России. «При этом, конечно, автономия Венгрии, Чехо-Моравии и Польши должна быть настолько широка, чтобы давала им возможность полного национального развития и побуждала их дорожить союзом с Россией, а не тяготиться им» [2, л.135об.-136]. При этом включение Восточной Галиции, Буковины и Угорской Руси в территориальный комплекс Российской империи не подлежало никаким сомнениям, было само собой разумеющимся актом.

Очевидно, что МИД вынуждено было аккумулировать немалое число подобного рода материалов. Но оно имело и своих, говоря современным языком, аналитиков и экспертов. В этой связи весьма любопытно посмотреть на точку зрения, бытовавшую в недрах самого российского внешнеполитического ведомства. Так, серьезным документом, подготовленным в нем, является обширная аналитическая Записка старшего советника А.М. Петряева. В ней содержатся важные обобщения, свидетельствующие о том, в каких координатах рассматривался чешский вопрос в России на рубеже 1914-1915 гг. Значительная доля 2-ой и 3-ей части записки посвящена разбору проектов, касающихся переустройства двуединой монархии, «создания новых политических организмов» [4, л.6-26].

В рамках заявленной темы показательны несколько моментов. Один из них касался «освободительной идеи» в начавшейся войне. Петряев указал на заметную разницу в ее толковании в России и других славянских государствах. Так, он подчеркивал, что освобождение славян в русском понимании «имеет своей конечной целью создание из них более или менее независимых и самостоятельных единиц, причем какие-либо земельные приращения за их счет никогда не входили в наши планы». По его мнению, полной противоположностью являлись проекты славян. Не были исключением в этом смысле и чехи.

Лишь после начала войны, на волне успехов русских войск в «Австро-Венгрии» зашевелились все ее славянские народности, которые стали смотреть на Россию как на свою освободительницу и обращаться к ней с ходатайствами об удовлетворении их национальных стремлений», — замечает Петряев. Причем застрельщиками этого процесса он называл чехов и «сербокроатов» как наиболее сильных и «лучше сохранивших национальную идею» славянских народов [4, л.7].

При этом чехи, «ратуя за избавление словаков от мадьярского владычества», не скрывали, что оно может произойти при условии «включения Словакины в Чешское Королевство», — подчеркивал автор анализируемого доку-

мента. У славян, в том числе австрийских, за декларациями о приверженности славянской идее скрывались «узко национальные стремления» [4, л.9].

Что касается религиозного аспекта, на который сделал акцент Я. Папоушек, то и до Первой мировой войны в отношениях с чехами было все не столь однозначно, как трактовал этот историк. Так, в записке императорского консула в Праге Жуковского прямо говорится, что «вера в Чехии не представляет собою настолько типичного и яркого явления, как, например, в Польше» [1, л.3-11]. Он полагал, что у чехов католицизм не проники «глубоко в сознание народа». Подобное убеждение было широко распространено не только в общественном мнении, но и в высших сферах, принимавших решения самого разного толка. Более того, порой оно становилось определяющим. Именно этот тезис стал дополнительным аргументом в построении большинства конструкций при определении судьбы чехов и в начале Первой мировой войны.

В России, пожалуй, даже больше чем в самих Чешских землях пропагандировалась вера в живость, в жизненность и перспективность «идеи гусситизма» [1, л.7об.]. Отсюда определенными кругами выстраивалась схема с «православным королем» на чешском престоле как символом «полного разрыва с прошлым». Этот же фактор рассматривался как вполне приемлемый и в политике по отношению к военнопленным. Тот же Жуковский подчеркивал, что «для усиления симпатий к православию можно было бы теперь же осторожно влиять на пленных чехов» [1, 7об.-8].

В интерпретации истории появления чешских военных формирований в России между ведущими специалистами по этой проблеме, заложившими фундамент для многих последующих исследований, не было особых расхождений. Что касается формирования Чешской дружины, то Я. Папоушек считал, что «ничего необычного в этом решении не было, и оно ни к чему не обязывало» [26, s.13].

Вопрос о том, а какой же идеологический фон был характерен для начала процесса создания чешско-словацких вооруженных формирований, в большинстве трудов отечественных исследователей решался однозначно. Как правило, исследователи ограничивались тем, что делали акцент на русофильство. В своей фундаментальной монографии А.Х. Клеванский утверждал, что в первые годы войны среди чешского и словацкого буржуазно-политического антантофильского направления наиболее влиятельной являлась «группировка, придерживающаяся прорусской внешнеполитической ориентации». Кроме того, этот известный ученый подчеркивал, что глубокие симпатии чешского и словацкого народов к России широко использовали «процаристски

настроенные круги» [17, с.14]. На протяжении нескольких десятилетий эта позиция выдающегося историка казалась вполне обоснованной. Однако, на наш взгляд, несмотря на, казалось бы, свою очевидность, и она несла на себе излишнюю идеологическую нагрузку, свойственную классической марксистской историографии, в том числе и ее лучшим образцам.

Общее представление о тенденции, популярной в наши дни в чешском обществе, интересующемся историей и настроениями в среде чешских колонистов в России, может дать вступительная статья к каталогу выставки «Чехословацкие легионы в России. 1914-1920» [25]. В ней отражена точка зрения, имеющая глубокие тра-

диции и до сих пор широкое хождение. Ее сторонники полагают, что после публикации Воззвания Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии [7, л.1] между чешскими колонистами усилилось «славянофильское движение». Слова о том, что Россия после объявления ей войны Австро-Венгрией «несет теперь свободу», осуществление «народных вожелений», не раз будут использоваться в качестве аргументов активистами чешской колонии в России. При этом кульминационным пунктом проявлений лояльности к России стало образование Чешской дружины как единицы в русской армии.

Между «консервативным» русофильством и «прогрессивным» западничеством.

Вряд ли в дополнительной аргументации в приверженности русофильству нуждается предвоенная политическая деятельность и проект Славянской империи¹ К. Крамаржа, переправленный в МИД [22, с.190-195]. Сложнее обстоит характеристика инициатив Т.Г. Масарика. Как известно, он также отправил 3 меморандума в российское внешнеполитическое ведомство. Эти документы показали, что оба политических деятеля, несмотря на разницу в своей внешнеполитической ориентации в предвоенные годы, скепсис лидера реалистов к позитивным началам славянской идеи, не видели реальной возможности создать полностью суверенное Чешское государство. В разных вариантах они заявляли о необходимости защиты и покровительства сильной европейской державы, какой на тот момент им представлялась Российская империя [20, с.113-126]. Как опытные политики они размышляли о форме правления будущего государственного образования чехов. При этом они не выходили за рамки королевства. Занимало их и мнение России в отношении других наследников Австро-Венгрии, проблема послевоенного урегулирования отношений в Европе в целом.

Недоверие, подозрительность – вот какие чувства испытывали в российском МИД к этим проектам. Причем такая реакция, возникшая сразу же после знакомства с ними, сохранялась и позднее. Она лишь усилилась после появления 4-го меморандума лидера реалистов в 1915 г., адресованного на этот раз Англии. Следует подчеркнуть, что скепсис вызывали как раз те инициативы, где ставка делалась в первую очередь

на Россию. По мнению Петряева, речь шла «об образовании из всех славянских государств Великой Славянской империи, наподобие союза государств, в котором первенствующую роль играла бы Россия» [4, л.10]. Утопичность предлагавшихся проектов не вызывала желания даже их серьезно обсуждать. Преобладала уверенность, что им не суждено быть реализованными не только в ближайшем, но даже и в самом отдаленном будущем.

Свои отрицательные отзывы российские аналитики строили на нескольких основаниях. Прежде всего, они обращались к истории западных славян. Так, в Записке Петряева подчеркивалось, что исторически так сложилось, что австрийские славяне «привыкли требовать от России, во имя славянской идеи, помощи в осуществлении их узко национальных стремлений». При этом сами они не желали «ничуть поступиться для успеха того общего славянского дела, о котором они, обыкновенно, много говорят».

Таким образом, на наш взгляд, обе стороны оказались не готовыми к новой реальности, к восприятию аргументов друг друга.

Между тем именно подобные настроения предстояло переломить представителям чешской колонии в России. Надо отдать им должное, они понимали насколько это необходимо. Однако чешские активисты оказались в трудном положении. Примечательна характеристика атмосферы, господствовавшей в Чехии в осеннюю кампанию 1914 г., описанная в одном из посланий, пришедшем из Праги. В нем говорилось, что в чешской столице сохранялось «спокойствие, с нетерпением ожидается конец войны, чтобы опять все вернулось на старые рельсы, для нас, вероятно, выгодные, чем это было три последних года при постоянной угрозе войны. Настроение во всех слоях одинаково, веселое, в ожидании, что покажет будущее» [11, л.11-11об.]. Разумеется, в России о подобной реакции чешского общества на начало войны, о вере в победу Австро-

¹ На наш взгляд, значительный интерес до сих пор представляет оригинал (даже его внешний вид) документа, вышедшего из-под пера лидера неославистского движения Карела Крамаржа. Многочисленные исправления свидетельствуют, насколько трудной для него оказалась геополитическая составляющая часть проекта, определение правового статуса отдельных земель будущей Славянской империи и др.

Венгрии значительной его части также были слышаны.

Как известно, на первоначальном этапе инициатива создания в России национальных воинских формирований исходила от чешских, затем и словацких национальных организаций. Подавляющее большинство в них составляли чехи и словаки, колонисты, уже обособленные от политической жизни в монархии Габсбургов и их земляков, все еще подданных Австро-Венгрии. С большой долей вероятности можно утверждать, что они не были знакомы с конкретным содержанием посланий, будь-то в виде записок или меморандумов чешских лидеров, адресованных в Россию. Но их общий тон, возможную направленность предугадать было не сложно.

Проекты, вышедшие из-под пера «русских чехов», активистов уже относительно устоявшихся центров, объединявших колонистов, также отличались масштабностью. При этом различные общества, кружки и союзы сохраняли культурно-просветительный характер не только согласно уставам, утвержденным Министерством внутренних дел, но и по сути своей деятельности. Вряд ли стоит говорить о том, что их сторонники были признанными политическими фигурами чешско-словацкой эмиграции в Российской империи накануне войны. Для того чтобы стать реальной политической силой, они должны были не просто заявить о себе, а приобрести вес, стать узнаваемыми на политической сцене, особенно в верхних эшелонах власти. Чехам в кратчайшие сроки предстояло выдвинуть из своей среды лидеров, способных вовлечь в политическую жизнь до тех пор пассивных членов землячества, взять на себя ответственность за несколько тысяч колонистов, а потом и военнопленных.

В этих условиях авторы первых проектов ставили перед собой конкретные задачи, соображаясь, как им казалось, с политической и военной ситуацией в их новом отечестве или стране пребывания. Они пытались максимально использовать текущий момент, обратить в свою пользу все открывшиеся перед ними с началом войны возможности.

Особенно важно подчеркнуть, что путеводной звездой на этом пути была идея самостоятельной Чехии. Однако на тот момент сформулирована она была достаточно неопределенно. В частности, воплощение она получила в тезисе скорого освобождения чехов и словаков из-под австро-немецкого и венгерского политического господства. Разумеется, это был общий посыл. В этой связи существенное значение, на наш взгляд, действительно имели многие детали.

В таком ракурсе особенно любопытно посмотреть на «Докладную записку о чешско-словацком вопросе» [5, л.1-боб.]. Она была издана Чешским вспомогательным обществом в Санкт-Петербурге в 1914 г. Кроме высших политиче-

ских сфер, документ распространялся по многим адресам и получил определенную известность в России. Примечательно, что в нем речь шла «о самостоятельности чешского государства». Другое дело, что, по мнению автора [8, л.8], она была достижима только при помощи «русского государя императора, его правительства и великого русского народа». Ю.И. Клецанда допускал раздел монархии Габсбургов. Вызывает некоторые сомнения трактовка этого документа как «первой, ясно сформулированной программы, выражавшей чехословацкие стремления к полной государственной самостоятельности» [25, s.30].

Сформулировав столь далеко идущие задачи, он пришел к выводу, что самым слабым местом в обосновании чехами своих политических амбиций является вся предшествовавшая деятельность чешской политической элиты в Австро-Венгрии. Именно в этом контексте следует рассматривать стремление членов Чешского вспомогательного общества «объяснить ту линию чешской политики, которая так часто была охарактеризована словом австрофильская». Автор записки понимал, что эта тема была особенно уязвима, с точки зрения тех, кому адресовался документ. Именно поэтому он постарался если не реабилитировать лояльность чехов к Австро-Венгрии, то хотя бы указать на ее истоки и специфику. Другим большим вопросом, как он пишет, был вопрос о «консолидации чешско-словацкого народа», да и лужицких сербов [9, л.25-28].

Как пример «подлинного славянофильства», как правило, рассматривается листовка «Автономная Чехия в составе России» [23], вышедшая из-под пера московских колонистов. Пожалуй, это самый яркий документ, в котором бы прямо говорилось о «включении Чехии в состав Русского государства» и об уничтожении Австрии как тюрьмы народов. Однако, на наш взгляд, максимально, о чем свидетельствует этот источник, так это об определенном фоне настроений в Москве, попытке узкой группы участников Славянских трапез оказать влияние на московских чехов. Вопрос, насколько такие мысли соответствовали уровню общественных ожиданий чехов и словаков, проживавших на начало войны в России, остается по сути открытым.

Получивший широкое распространение в России среди чешских колонистов «Меморандум, касающийся освобождения чешского народа Россией и восстановления государственной самостоятельности чешских земель в исторических и этнографических границах» сами авторы характеризовали как документ, «не конкурирующий» с запиской Клецанды, как ее дополнение [14, л.1]. Он был принят на совместном совещании делегатов «чешских комитетов» Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Варшавы, областных центров, в которых находились крупные

чешские колонии, «представляющих российскую ветвь чешского народа» и «делегата народа словацкого или же его ветви, проживающей в Российской империи». В отличие от записки Клецанды, в меморандуме вместо конкретного адресата стоит отточие.

Не вдаваясь в подробности содержания этого продукта коллективного творчества, необходимо признать, что по своей сути он был чрезвычайно сырым, несовершенным в теоретическом плане, лишенным серьезных государственно-правовых аргументов, очень далеким от реальности, просто виртуальным в смысле его практического осуществления. Несмотря на стремление авторов структурировать текст, придать ему некоторую законченность и официальность, он, как и записка Клецанды, не мог рассматриваться как юридически проработанный проект по определению. Он излишне эмоционален по стилю, размыт по своему содержанию, полон внутренних противоречий, местами крайне наивен.

Между тем именно этот меморандум широко цитируется исследователями в качестве доказательства не только русофильских, но и царедворческих настроений у чешских колонистов. Действительно в нем речь шла о восстановлении Чешского королевства под крылом великой и могущественной династии Романовых. Ссылаясь на «незабываемую» аудиенцию 8 августа 1914 г. у Николая II, его авторы с воодушевлением писали о политическом облике будущего территориального образования и его границах. «Жар их желаний и надежд» состоял в том, что уже скоро «свободной и независимой короне св. Вацлава» предстояло (именно в этом состояла «жгучая надежда» делегатов) заблестеть в лучах

короны Романовых. Они были уверены в том, что «монархический способ государственного управления» является «единственной формой», которая могла «предоставить чешскому народу возможность сосредоточиться на реализации его внутренних и внешних задач» [14, л.3].

Судьбе «Словацкой области» был посвящен специальный 7 раздел Меморандума. Примечательно, что словаки рассматривались как «культурно и этнографически самостоятельная ветвь славянского племени». В документе выражалась надежда, что после победоносной войны Россия предоставит словакам, в границах их этнического проживания, «внутриполитическое самоуправление». В свою очередь, осознав все грядущие выгоды, словацкий народ высказался бы за династическое, военное и экономическое единство с Чешским королевством. При этом часть территорий, населенных словаками, примыкающих и частично входящих в состав Чешского королевства (согласно этнографическим представлениям выдающихся ученых этнологов того времени) следовало присоединить к «единному словацкому политическому целому».

Могли ли подобного рода прошения оказать серьезное влияние на высокие правительственные сферы, на которые они явно были рассчитаны? Думается, что это чисто риторический вопрос.

Итак, лояльность практических действий чешской политической элиты накануне войны, неготовность к активному сопротивлению населения Чешских земель с ее началом служили точкой отсчета в размышлениях российских политических деятелей о чешском вопросе на рубеже 1914-1915 гг.

Между прагматичным русофильством и конструктивным национализмом.

Уже в январе 1915 г., когда начал активно обсуждаться вопрос о создании чешско-словацкого войска, он тесно увязывался с «будущей судьбой Чехии». Чехи не просто ждали, а всячески стимулировали появление официального заявления российского правительства. Об этом свидетельствует доклад делегатов Киевского чешского комитета начальнику штаба Верховного главнокомандующего (во встрече, которая состоялась 14 января 1915 г., участвовали Г.И. Йиндржишек, Ф.Ф. Дедина, В.И. Вондрак) генералу Н.Н. Янушкевичу. «Наиболее существенная часть» документа, подписанного В.И. Вондраком, была направлена министру иностранных дел. По мнению этих деятелей, чехи желали увидеть воззвание «наподобие того акта, коим определена судьба Польши» [3, л.1-3]. При этом они ссылались на высказывание российского императора, от которого услышали выражение «благоволения и сочувствия к мечтам чехов об

освобождении от австрийского ига и создании независимой, свободной Чехии» [3, л.2об.].

Как можно интерпретировать последние слова? На наш взгляд, члены чешской делегации действительно искали у российского императора поддержки своих замыслов. Очевидно, что они заключались в реализации идеи чешской государственности. Можно ли в данном случае говорить об их русофильстве? Положительный ответ на этот вопрос возможен лишь в одном случае: в этот момент осуществление своего плана они ставили целиком в зависимость от позиции России. Даже размытые высказывания российского правителя они весьма прагматично пытались толковать в свою пользу. Таким образом, русофильство являлось, собственно говоря, внешней оболочкой, привычной, многократно апробированной системой аргументов в достижении своих собственных целей. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. это была удобная фор-

мула, скреплявшая, а порой и скрывавшая все сложности чешско-российских отношений. На этот раз, в совершенно новых условиях она вновь пригодилась в качестве инструмента для реализации глобальной цели – добиться чешской государственности.

Подобная тенденция усматривается и во всех последующих действиях. При всей витиеватости изложения впечатлений от встречи с российским императором – «Державным Вождем Земли Русской» – вызвавшей чувства «умиленной благодарности и беспредельного счастья», от российского правительства требовалось найти «определенную реальную форму» официальной декларации, в которой бы говорилось о суверенном чешском государстве. В условиях военного времени такой формой, по замыслам чехов, могло быть воззвание Верховного главнокомандующего, обращенное исключительно к «чешско-словацкому народу» [6, л.2об.].

Надо отдать должное авторам документа (в скобках заметим, что мотором многих инициатив в это время был В. Вондрак, подписывавшийся как уполномоченный временного правления Союза чешских обществ в России) [3, л.5]. Они действовали целенаправленно и настойчиво, увязывая серьезные геополитические проблемы с конкретными, можно сказать, текущими задачами, которые могли решить их собеседники каждый на своем уровне. Таким вопросом для Начальника штаба был вопрос об определении механизма увеличения числа чешских добровольцев в Чешскую дружину. В сферу переговоров был вовлечен и великий князь Николай Николаевич. Как признают сами авторы документа, получив информацию лишь в «общих чертах», он также «в общем» «как бы одобрил» чешские начинания. Однако и такой отзыв квалифицировался как поддержка чешских инициатив и использовался ими в дальнейшем продвижении своих начинаний.

Еще до получения официальных полномочий, т. е. до съезда, в начале 1915 г. Союз чешских обществ в России в лице его Правления рассматривал сам себя как «единственного полномочного представителя чешского народа» в этом государстве. Причем Союз брал на себя эту роль «впредь до установления в Чехии чешского правительства». Об этом говорили его представители во время встречи с Начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Н.Н. Янушкевичем. Это положение включено в «проект создания нового чешского войска», направленный в МИД 21 января 1915 г. [3, л.1]. Амбиции Правления Союза были весьма широки. Так, только оно должно было определять «весь внутренний строй чешского войска», издавать все распоряжения, замещать должности, назначать начальников отрядов, заведовать хозяйственной частью. Формирование войска могло происхо-

дить на основе принципа добровольности, с «тщательным разбором» каждого из желающих. Таким образом, все вопросы, связанные с организацией войска, брало на себя Правление.

Исследователи, имевшие возможность познакомиться с текстом документа, делали в основном акцент на том, как его авторы решали проблему финансирования чешских формирований. Поскольку этот замысел вполне соответствовал интересам союзников, они полагали возможным обратиться за необходимыми средствами к французам и англичанам. С точки зрения рассматриваемой нами темы, важен несколько иной аспект: речь шла о «государственном займе будущему Чешскому государству».

В проекте весьма амбициозно со стороны чехов решалась судьба словацких территорий – «Словачины – как составной части будущей Чехии». На волне блестящих побед русского оружия предполагалось уже при занятии первого крупного словацкого центра «объявление независимости всего Чешского государства и низложение Габсбургской династии с чешским престолом». Оговаривался и круг стран, которые могли признать самостоятельность Чехии. В частности в него входили Россия, Сербия, Франция, Англия и Бельгия.

С момента провозглашения Чешского государства вооруженные формирования могли бы вступить на поле боевых действий уже как регулярное чешское войско, правда, на правах комбатанта. Согласно международному праву имелись в виду лица, входящие в состав вооруженных сил воюющих государств и принимающие непосредственное участие в военных действиях. Тем самым его участники могли избавиться от угрозы расстрела в случае пленения, в отличие от бойцов Чешской дружины.

Таким образом, чешские активисты изначально делали ставку и на союзников, попытавшись, причем руками России, поскольку сами еще не обладали достаточными рычагами влияния на международное мнение, разделить меру ответственности за исполнение проекта между всеми странами Антанты. Очевидным было и намерение создать даже не прообраз национальной армии, а хорошо вооруженные силы, прошедшие через горнило войны.

Камнем преткновения стали вопросы, входящие в компетенцию МИД. 30 января 1915 г. чехи, добившиеся аудиенции у С.Д. Сазонова, вновь настаивали на «относительно ясной формулировке» декларации, о которой они вели речь ранее [3, л.6-9]. С упоминания об этой встрече начинается записка, направленная министру иностранных дел, от 17 февраля 1915 г. Судя по дальнейшим настойчивым действиям чешских участников встречи, разговор был не очень для них продуктивным.

Итак, 17 февраля 1915 г. министру иностранных дел была направлена очередная Докладная записка. Б.Чермак и Ю. Клецанда уже не в первый раз попытались объяснить весьма деликатную ситуацию: лояльность чехов по отношению к династии Габсбургов и пассивность чешской политической элиты в Австро-Венгрии. Они вынуждены были признать, что борьба чехов и словаков за свою государственность действительно имела «своеобразную форму». Она свелась к борьбе за язык, за право его использования во всех сферах жизни, а все остальные вопросы отошли «на второй план» [3, л.6-7]. Констатируя это обстоятельство, в то же время авторы указывали, что чехи так и не признали легитимными для Чешских земель ни Декабрьскую конституцию 1867 г., ни венский парламент. Борьба за язык, согласно тексту документа, это форма борьбы за «отторжение от Вены», за права «общего сейма земель Чешской короны вместе со Словакией», за «исторические права чешско-словацкого народа времен Великоморавского государства».

Конечно, слабость подобных историко-политических рефлексий в новых условиях была очевидной. Тем не менее, авторам казалось, что они могут стать аргументом в пользу формирования «отдельной чешской армии». Но для реализации этого плана нужны были и другие стимулы. В качестве весомого довода использовался «до крайности осторожный подход» новых добровольцев к вступлению в Чешскую дружину после эйфории первых недель ее существования. Тогда чешские военнопленные мечтали вступить в ее ряды с риском для своей жизни, несмотря на вполне конкретную угрозу быть повешенными у себя на родине [3, л.7]. Однако вскоре былой энтузиазм у них угас. Об этом свидетельствовал вполне конкретный случай, когда из 240 чехов, оказавшихся в одной из партий австрийских пленных и записавшихся добровольцами, после ознакомления с возможными последствиями их поступка только 40 бойцов подтвердили свою решимость.

Отсутствие четкой политической программы свидетельствовало о том, что вновь затеваемое дело – «не есть серьезное». Именно этим обстоятельством объяснялись успехи австрийской контрпропаганды, ловко внедрявшей у чешских солдат, семьи и имущество которых всецело находилось во власти австрийцев, недоверие к России. В общий контекст своих аргументов Чермак и Клецанда включили и ухудшение положения колонистов в самой Российской империи [3, л.7-8].

Чешские активисты старались свой прагматизм замешать на обоюдном интересе. Так, они использовали в этих целях и определенную благосклонность российских военных к возможности появления чешских формирований. Одна-

ко их не устраивал вариант зачисления пленных добровольцев в русские части. В начале 1915 г. они заговорили о формировании «отдельной чешской армии» как «более счастливого проекта». Этот шаг явился бы конкретным свидетельством борьбы за «права чешско-словацкого народа». Чермак и Клецанда не скрывали, что они крайне нуждались в появлении такого документа накануне созыва съезда чешских обществ в России.

За это время произошли серьезные изменения в процессе сближения прежде разрозненных организаций. Возможность выступить единым фронтом и весьма решительно представилась уже в ходе работы съезда.

Об этом свидетельствует заявление, сделанное от имени Союза, на встрече участников Московской трапезы, состоявшейся 24 февраля 1915 г. На заседании обсуждался доклад Ф.Ф. Аристова, основные положения которого нашли отражение в записке «Чешский вопрос с русской точки зрения» [13, л.1-8]. В нем утверждалось, что Россия должна не только освободить братские народы, «но и объединять их с собою в одно государственное целое, т.е. включать на автономных началах в состав русского государства». «Принцип “освободи и уходи”» якобы был «оскорбителен» для русского национального достоинства. Что касается будущей судьбы Чехии, ее включение в состав России на обозначенных условиях обосновывалось стратегическими целями – необходимостью защиты чешского народа «от всякой внешней опасности». Особое Чешское королевство не могло избежать угрозы нападения, последствием которого стало бы если не завоевание, то уничтожение культуры «самым варварским способом». Оно проигрывало и в экономическом отношении, так как отрезанное от моря и лишенное рынков сбыта задохнулось бы «в узких пределах своих экономических границ».

В противовес таким негативным прогнозам вхождение в Россию могло решить и вековой чешско-немецкий спор путем выселения немцев, которые составляли треть населения. Шаг, который не был по силам чехам, могла сделать Россия, в силу того соображения, что «чешская земля явилась бы окраиной» Российской империи. Показательными для настроений русских участников трапез были размышления камергера Высочайшего двора Леонида Михайловича Савелова. «Если чехи ждут от русского народа своего освобождения, то пусть войдут в состав России. Второй Болгарии создавать не будем и ради чешской затеи не прольем ни одной капли драгоценной русской крови», – заявил он. Савелов же выступил и в защиту словаков, вся история которых свидетельствовала о том, «что они всегда надеялись только на Великую Россию» [13, л.2об.].

Однако участники съезда чешских обществ в России (он состоялся 22-26 февраля), в частности в лице его председателя И.Ф. Рикси, дали решительную отповедь московским «заступникам». В его словах, – «если русский народ будет стремиться к тому, чтобы маленькая Чехия вошла на автономных началах в состав великой России, то все чехи единодушно заявят: “Избави нас, Боже, от таких друзей”» [13, л.2об.], – не было даже намека на политическую толерантность.

Таким образом, идея автономии (даже если она у них и была) уже не соответствовала амбициям московских чехов, она встречала жесткий отпор со стороны других чешских групп. Вот как характеризовал политическую платформу съезда один из его участников Б. Павлу в письме Д.Н. Вергуну. Идея создания «самостоятельного чешско-словацкого королевства со славянским королем во главе» была положена в ее основу. При этом «учредительный чешско-словацкий сейм» должен был действовать «в согласии с русским правительством». Участники форума отдавали себе отчет в том, что «удержаться» такое образование могло, лишь опираясь на славянский мир, «особенно на Россию». Само собой разумеющимся были и заверения в преданности, в том, что «чешско-словацкий народ окажется верным союзником своей освободительницы».

В свою очередь Б. Павлу информировал адресата о наблюдениях, которые он сделал в ходе бесед с участниками съезда, по поводу «чешско-польского государства». Он уверял Вергуна, что «нигде об этом серьезных разговоров не было». По его мнению, от поляков чехов «уж слишком отделяло отношение к католицизму». При этом Павлу не скрывал, что чехи были заинтересованы в русско-польском примирении, «горячо приветствовали воззвание великого князя к полякам». В данном случае, как и во многих других, во главу угла был положен «принцип пользы». «По польской национальной территории» проходил путь от России в Чехию. А «этот роковой спор» ослаблял позиции чехов, территория которых являла собой «славянский клин в немецком море» [12, л.3 об.-4].

Не добившись от официальных властей России специального заявления, в котором бы говорилось о признании будущей чешской независимости, чешские активисты с такой же настойчивостью принялись за новую акцию. С этого момента на первый план выступает проект создания чешского войска. Как уже говорилось, о вероятности видеть в нем основу регулярной армии будущего государства речь шла в записке от 17 февраля. Много нюансов содержит обсуждение Докладной записки правления Союза от 31 марта 1915 г., предшествовавшее рассмотрению вопроса о чешских воинских формированиях в

Совете министров [3, л.11-13, машинописный вариант документа л.14-20; л.22-29 специальный экземпляр, направленный министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову]. На этот раз просителем выступил Союз Чешских обществ в России как официально признанная колонистами организация. Документ подписали товарищ председателя Союза И. Моравец, председатель Б.О. Чермак, секретарь Ю. Клецанда, имевшие достаточно широкие полномочия.

Записка весьма красноречива по своему содержанию. Исследователи, изучавшие эту подборку материалов в АВПРИ, конечно, видели и сопроводительное письмо председателя Совета министров И.Л. Горемыкина С.Д. Сазонову от 9 апреля 1915 г. (№3561). В нем премьер-министр напоминал, что вопрос о вступлении в ряды русской армии «нижних чинов и офицеров австро-венгерской армии славянских народностей» уже дважды слушался в Совете министров (7 августа и 2 сентября 1914 г.). Тогда он был поддержан военным министром при условии перехода военнопленных в русское подданство. 2 января 1915 г. в этом же органе власти рассматривалась проблема подданства. Отправка военнопленных «добровольцами в действующую армию» была признана «в общем нежелательной». Окончательное решение этого вопроса зависело от Верховного главнокомандующего.

Однако для историков важна как общая оценка чешского проекта, так и экспертные заключения важнейших российских официальных структур. В этой связи, на наш взгляд, заслуживают анализа целый ряд серьезных наблюдений, сделанных высокопоставленными экспертами. Другое дело, что авторы проекта могли лишь догадываться о деталях, нюансах переписки 3-х ведомств.

Так, министр юстиции И.Г. Щегловитов в своем письме И.Л. Горемыкину от 28 апреля за № 3897 выделил политическую, военную и правовую стороны чешского проекта [3, л.35-37]. Все они были тесно взаимосвязаны. Во-первых, он обратил внимание на то, что его авторы «проникнуты стремлением воссоздать Великоморавское государство», что неминуемо затрагивало сферу высокой международной политики. Причем, из контекста заключения министра видно, что он усматривал в чешских замыслах намерение создать именно суверенное государство. Об этом свидетельствовал и план предоставления займа «будущему государству» и другие аргументы.

По его мнению, совершенно неприемлемо было соглашение между правительством и Правлением Союза, учитывая «юридическую природу» их политического положения. Союз не мог выступать субъектом международного права, российское правительство несло политическую и

правовую ответственность за его деятельность и в России и за рубежом.

Что касается вопроса формирования чешского войска, то И.Г. Щегловитов призывал к весьма осторожному отношению к этой идее, прежде всего исходя из чисто военных интересов. Осуществление предложений чехов возлагало бы на Россию перед лицом союзников, а также нейтральных государств и враждебных стран всю юридическую, политическую и моральную ответственность за деятельность чешско-словацких частей. Указывалось и на иной менталитет военнопленных, на различное правосознание и военную культуру. Все это могло создать ряд весьма серьезных затруднений юридического и политического характера в силу самого существования более или менее независимого чешского войска.

Из этого положения вытекало очень важное последствие. В этой связи министр юстиции указал на полное право противника рассматривать его как «преступную организацию». Это означало, что бывшие австрийские и венгерские подданные подлежали бы, в случае их пленения, военному суду за измену. Тем самым, чешско-словацкие формирования, действовавшие на русском фронте, ставились бы вне законов и обычаев войны.

Вердикт И.Г. Щегловитова о «полной невозможности удовлетворить ходатайство» чехов обосновывался и целым рядом международно-правовых соглашений. Они регулировали положение военнопленных в стране пленения. Так, министр ссылался на Брюссельскую декларацию 1874 г., Гаагскую конвенцию 1907 г. и приложения к ней, на статью 3 Положения о военнопленных от 7 октября 1914 г. Она гласила, что военнопленный – был «законным защитником своего отечества» и соответственно признавался «законным обезоруженным неприятелем». Согласно международному праву, военнопленный не мог принуждаться «к каким бы то ни было действиям, враждебным его государству» [3, л.36].

Кроме того, объективно, в рамках международного и российского законодательства крайне сложным был и вопрос о принятии военнопленных в российское подданство. Такой акт нельзя было совершить «прямым действием». Однако определенная возможность все-таки существовала при выполнении ряда условий. Пленный должен был добровольно ходатайствовать об этом, причем каждый человек отдельно. Использовалась ссылка на французское законодательство (ст. 104 от 21 марта 1893 г.), допускавшее возможность зачисления военнопленных в ряды французской армии с разрешения военного министра и согласия местного (областного) военного руководства. В итоге, по заключению министра юстиции, отдельные пленные все-таки могли ходатайствовать как о принятии их в рос-

сийское подданство, так и о зачислении их добровольцами в русскую армию. Решение же этого вопроса зависело от «усмотрения» Верховного главнокомандующего. В свою очередь, у И.Г. Щегловитова протест вызвал институт «временного» подданства, на котором настаивали чехи. Тем самым после «воссоздания Чешско-Словацкого государства» добровольцы автоматически считались бы его гражданами. Таким образом, этот статус ни к чему не обязывал их в России [3, л.36].

Столь же фундаментально был обоснован отрицательный отзыв правового отдела МИД, подготовленный в апреле 1915 г. [3, л.38-38об.]. При этом его сотрудники ссылались на международные обязательства России, которая, в случае удовлетворения ходатайства Правления Союза, взяла бы на себя ответственность за нарушение законов войны.

Что касается вопроса о «предварительном признании» будущей чешской независимости, других политических аспектов, то они были квалифицированы как «настолько несерьезные», что едва ли заслуживали обсуждения. В этой связи резолютивная часть была сформулирована крайне жестко. Никаких «оснований к новым политическим заявлениям о целях и задачах войны» не существовало.

О реакции министра иностранных дел С.Д. Сазонова широко известно в исторической литературе. Рассмотрев политическую составляющую чешского проекта («о признании будущей чешской независимости»), он высказался явно негативно. В частности он указал, что российский правительство не может «связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вождедений чехов, так как никакие политические интересы наши не дают основание стеснить подобными заявлениями нашу свободу действий в будущем» [3, л.40-40об.].

Сазонов в своем отношении И.Л. Горемыкину признавал «нежелательным» и формирование частей из военнопленных, «особенно с приданием им русских офицеров». В крайнем случае, по мнению министра, можно было допустить образование самими чехами и словаками «на свой страх и риск», «без прямого участия» российских властей отрядов, состоявших из добровольцев. Впрочем, он весьма сомневался как в их ценности, так и в перспективе использования в военных целях.

Ответ Начальника штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича (от 8/9 мая 1915 г. за № 6056) был не столь развернут, но его заключительная часть обратила на себя внимание исследователей, которым оказался доступен этот документ. Во-первых, он был менее жестким. Во-вторых, его автор не считал возможным вдаваться в политическую сторону

вопроса. Консультации с военными показали, что формирование особых чешских частей вызвало бы необходимость не только их вооружения, но и обеспечения всем необходимым. В результате эта акция неминуемо нанесла бы ущерб действующей русской армии. Для военнопленных чехов сохранялось право вступить в ряды Дружины. При этом Н.Н. Янушкевич ссылался на Верховного главнокомандующего, который признал «в равной мере возможным разрешить прием в Дружину на одинаковых основаниях с чехами, также и военнопленным словакам» [3, л.41].

Серьезные размышления чешский проект вызвал у военного министра В.А. Сухомлинова. Из недр Главного управления Генерального штаба их результат вышел 18/19 мая [3, л.42-43об.]. Примечательно, что наиболее существенным и тревожным для него оказался вопрос «о признании независимости чешско-словацкого государства». В этой связи он полагал, что эта проблема имеет широкое политическое звучание не столько для России, сколько для всей Европы. Кроме того, в условиях продолжавшейся войны не представлялось возможным трактовать более или менее определенно ее результаты и последствия. С точки зрения этого государственного деятеля, признания одной Россией будущего чешского независимого государства было недостаточно. Требовалось согласие «всех могущественных государств Европы», так или иначе заинтересованных в судьбах европейских народов. В таком контексте широкая поддержка Россией чешского проекта могла, по его мнению, создать «род миража». В случае же «неосуществления заветных мечтаний» чехов у них непременно возникло бы чувство «горького разочарования и некоторого неудовлетворения против России».

Другим вопросом, получившим развернутое заключение, была проблема формирования чешского войска. Прежде всего, В.А. Сухомлинов сомневался в наличии необходимых средств для реализации этого проекта. Трудности состояли как в финансировании, так и в материальном обеспечении таких подразделений. Не было и не могло быть избытка ни предметов снабжения, ни кадров, ни довольствия. В противном случае они были бы направлены на формирование новых частей русской армии. Пойти на сокращение ее снабжения не представлялось «целесообразным».

Мощным ударом по проекту, на наш взгляд, стала третья часть экспертного заключения. Военный министр указывал на то, что «чехи и словаки, подданные Австро-Венгрии» продолжали «спокойно выполнять свой верноподданныческий долг перед монархией». Согласно имевшейся в ведомстве информации, они «не выказывают никаких стремлений к активным выступлениям с целью добиться своей независи-

мости с оружием в руках». Смущало и «обилие» попадающих в плен чехов и словаков. Это обстоятельство указывало лишь «на несклонность» населения Австро-Венгрии «поддерживать политику Габсбургского дома». В этом смысле чехи и словаки не составляли никакого исключения [3, л.42об.].

В.А. Сухомлинов опасался и неблагоприятного впечатления от появления военнопленных чехов и словаков, еще недавно «так храбро сражавшихся за интересы Австро-Венгрии» в действующей русской армии. Он ссылался на свидетельства участников боев, указывавших, что они, также как и остальные бойцы противника, сдаются в плен лишь тогда, когда «все средства сопротивления исчерпаны».

Завершающаяся часть заключения показывала, что вопрос о формировании чешского войска рассматривался и с учетом настроений в российской среде, и в личностном плане. Создается впечатление, что военный министр был глубоко задет, даже оскорблен поведением болгарского правительства. Он полагал, что русское общество «в достаточной мере утомлено освободительной деятельностью» России в прошлом. Вступление Болгарии в войну на стороне противника лишней раз показало «политическую бесполезность принесенных Россией жертв». Не менее существенной была ссылка на мнение о «невозможности и нежелательности» формирования чешского войска из военнопленных Верховного главнокомандующего [3, л.43].

Очевидно, что столь единодушная негативная реакция на чешский проект не являлась результатом какого-либо сговора членов Совета министров или прихотью экспертов. Она отражала убеждения солидаризировавшихся российских государственных деятелей. К сожалению, они предвидели развитие событий по самому невероятному на тот момент сценарию. Оказалось, что многие опасения в случае резкого изменения обстановки внутри страны имели объективную основу. Эта коллективная позиция в значительной степени прогнозировала ситуацию, сложившуюся буквально через два года, когда они уже были лишены своих постов.

На наш взгляд, нельзя недооценивать настроения чиновников Ватикано-славянского отделения МИД, в руки которых попадало большинство материалов по чешскому вопросу, поступавших из-за границы и от отечественных кабинетных борцов за славянское дело. Главным раздражителем для них все-таки оставалась информация, направленная из заграницы. Исследователи отмечают, что к весне 1915 г. очевидной становится трансформация политических ориентиров Масарика. Речь шла не только о появлении требования «полной политической независимости», но и республиканском устройстве будущего государства [20, с.120]. Эти перемены вызы-

вали открытое недовольство в российском внешнеполитическом ведомстве.

Таким образом, весной 1915 г. чешские активисты оказались в весьма непростой ситуации. Их два определяющих проекта не получили поддержки со стороны российских властей. Разве не полное отчаяние скрывалось в признании Клецанды, когда он писал жене: «У нас слишком много врагов, и почти нет друзей». «Никто нас не понимает» [10, л.2об.]. При этом он все еще верил в Россию. «Сегодня мы можем быть освобождены только тогда, если это не будет против воли России», – продолжал он [10, л.4].

Еще большее беспокойство испытывали члены Правления в связи с изменением обстановки внутри страны, с началом «Великого отступления» (наступление немцев, начавшееся 19 апреля/2 мая и непрерывно продолжавшееся до начала июня, вылилось в цепь прорывов на разных участках огромного фронта). Поражения русских войск вносили ноту отчаяния в душевное состояние «русских» чехов. Клецанда в одном из писем к супруге 17 мая 1915 г. писал: «Из Варшавы действительно высылают, из Петрограда также, словаков нам, по-видимому, вышлют всех, поэтому у нас отвратительное настроение». Ситуация еще больше обострилась к концу мая. «Из Варшавы выгоняют всех, здесь в Петрограде всех австрийцев до 1-го должны ликвидировать, стало быть, всех словаков, говорят, также будут высылать» [10, л.3].

В таких условиях чешские активисты делают акцент на новую тактику – усиленно ищут поддержки у себя на родине и понимания у военных в России. Еще 4/17 мая 1915 г. российский посол в Берне Бахерахт передал секретное сообщение бывшего российского информатора в Австро-Венгрии В. Сватковского, выражавшее мнение пражского центра. Оно состояло в «пожелании, чтобы чешские корпуса из пленных были бы организованы с согласия русского и сербского правительств». Возникшие формирования могли принять участие в войне в качестве «оккупационных войск при занятии Чешских земель или на турецком фронте». В случае благоприятного решения этого вопроса Йозеф Шейнер, один из активных деятелей начавшего движения сопротивления (староста Чешских соколов) был готов прибыть в Россию для организации корпусов [3, л.39]. Однако этот маневр не возымел действия. Кроме того, надо иметь в виду, что сам Шейнер был арестован австрийскими властями и в 1915-1916 гг. находился в тюремном заключении.

Когда ситуация в Петрограде немного успокоилась, огромное значение стало придаваться возможности провести личные переговоры с лицами первого эшелона МИД, МВД, военного ведомства. Конечно, речь шла о продвижении чешских планов, попытках внедрения их идей в

сознание чиновников, принимающих решения на самых разных уровнях. Использовались личные связи петербургских колонистов. В этом смысле в тот момент полезными оказались контакты П. Благо. Именно таким образом, как писал Клецанда жене, посчастливилось привлечь на свою сторону не только такой влиятельный орган как газета «Биржевые ведомости», но и, благодаря содействию их редактора, добиться приема у товарища министра иностранных дел А.А. Нератова. В результате удалось «достаточно остро охарактеризовать обхождение с военнопленными». Что касается политической стороны разговора, то на этот раз активно использовались ссылки на страны – союзницы. С точки зрения секретаря Союза, для России весьма поучительным мог быть пример Франции. В то время как она боялась «роста славянства», русским следовало высказаться за его освобождение. В качестве аргумента, Правление Союза ссылалось и на мнение британского посла Д. Бьюкенена, полагавшего что, собственно говоря, Англия это «единственная страна, которая в действительности преследует цель освобождения малых угнетенных народностей» [10, л.4].

Оставались надежды на решительность военных, особенно в условиях, когда кампания 1915г. обернулась тяжелыми поражениями для русской армии.

О выгодах, которые военные власти России ожидали от поддержки чешского национального движения, говорилось еще осенью 1914 г. Широко известно, что образование Чешской дружины преследовало политические цели. Предполагалось, что после разгрома австро-венгерской армии, чешские формирования «в предлах Австрии», разбившись на отдельные группы, встали бы «во главе чешского движения против Австрии» [17, с.20].

В свою очередь, генерал М.В. Алексеев, о чем свидетельствует его письмо от 16 /29 ноября 1914 г. в Ставку Верховного главнокомандующего, надеялся тем самым «создать крупные затруднения» для Австро-Венгрии «путем революционной деятельности» чешского народа. Он рассчитывал на «уклонения его от дачи солдат», возбуждение «мятежей в тех войсковых частях VIII и XI корпусов, преобладающим элементом в которых являются чехи» [15, с.227-228]. Военные полагали, что для привлечения широких масс чехов и словаков к борьбе на стороне России следует избегать двусмысленностей и в политической сфере. «Недоговоренностей в этом отношении быть не должно: чехов ведь пугают обращением в “Чешскую губернию”», – подчеркивал Алексеев. Он прямо высказывался за то, что России следовало «определенно и ясно указать пределы выгоды, преимуществ, на которые может рассчитывать чешский народ за свое активное участие в борьбе с Австрией и за помощь

нам в той или иной форме» [15, с.228]. По мере затягивания войны военным роль чешских добровольцев виделась в ином свете.

Широкое признание получила их разведывательная деятельность, они выполняли ее с полной отдачей. Летом и осенью 1915 г. в МИД направлялись выписки из приказов по дивизиям, к которым были прикомандированы чехи. Они проникнуты восторженным духом и, несмотря на свою краткость, очень выразительны по содержанию. В них указывалось, что бойцы Чешской дружины, «совершенно слились» и сроднились с основным составом русской армии. Говорилось о том, что, несмотря на тяжелые условия и «потери до 15 %», полурота третьей роты (под командой прапорщика Гусака и его помощника прапорщика Миллера) успешно добывала сведения, которые невозможно получить войсковой разведкой. В приказе по 70-й пехотной дивизии отмечалась «продуктивная и полезная работа» 5-й роты, командир которой поручик Чечек действовал «выше всякой похвалы». «Вели себя молодцами» нижние чины 2-й роты 45-ой пехотной дивизии, а ее командиры (штабс-капитан Павлов и младший офицер, подпоручик Цейп) проявляли «полную энергию, храбрость».

Лейтмотивом многих документов этого рода звучал тезис о высоких моральных качествах чешских бойцов, профессионализме, «дейтельном участии в многочисленных и рискованных разведках». Согласно приказу от 11 сентября 1915 г. 21-ой пехотной дивизии все бойцы 1-ой чешской роты заслужили высокие награды: «Георгиевские кресты и медали» [3, л.52-52об.].

Позднее командиры русских дивизий стали делать акценты и на другие моменты. Так, в приказе по 48 пехотной дивизии чешские дружинники предстали не только как мужественные и доблестные бойцы, но и «воины, пылающие любовью к своей поработанной родине и проникнутые желанием добыть ей свободу даже жертвой своей жизни» [3, л.52-52об.]. Заключительная фраза в приказе – «Да живет свободная Чехия! На здар!» – говорит сама за себя.

Между тем осенью 1915 г. в виду потерь в Чешской дружине все острее становится вопрос о ее пополнении. Начался перевод в нее чехов и словаков, служивших нижними чинами в запасных ополченских частях русской армии [17, с.25]. В конце года Чешская дружина фактически завершила свой путь. 2 февраля 1916 г. согласно приказу № 524 подполковника В.П. Троянова был образован Чешско-Словацкий стрелковый полк, в составе которого было 8 рот (всего в нем значилось 1597 добровольцев, из них 243 бойца находились в больницах).

Бесспорно, это был несомненный успех чешских активистов в России. Тем не менее, подводя предварительный итог проведенного анализа, следует признать, что замыслы, умона-

строения и активная деятельность политически активных чехов-колонистов не смогли оказать серьезное влияние на российский истеблишмент. Их инициативы не нашли должного понимания ни у одной официальной структуры, к которой они обращались. Не удалось сблизить позиции по главному вопросу – о целях национального движения. Прежде всего не получила поддержки идея полного разрушения Австро-Венгрии и создания «независимой Чехии» при непосредственном, практически исключительном содействии России. Радикальное переосмысление чехами ценностных ориентиров и роли России в разрушении монархии Габсбургов вызвали недоверие к проектам, поступившим из-за границы (в скобках заметим, они были неофициальными, переданы частными лицами через российских информаторов, а priori не могли представлять не только всю нацию, но даже консолидированную чешскую политическую элиту). Идентифицируясь с представлениями, какими якобы должна руководствоваться Россия как покровительница славян, их авторы оказались на ложном пути. Построенная на идеологическом фетише (каким являлось русофильство), их политическая программа не получила необходимой поддержки.

Весьма уязвимой для критики оказалась концепция, предложенная чешскими колонистами. Накопленный опыт за предыдущий период показывал, что самым слабым местом в ней было отсутствие необходимого международно-правового фундамента. Приоритет прагматичных национально-государственных задач, очевидный для самих чехов, не вписывался в рамки конфронтационных настроений других участников европейского политического концерта. Требование авансировать столь решительные внешнеполитические шаги – «воссоздание самостоятельного Чешского королевства» – с расчетом на скорую окончательную победу русской армии, в непредсказуемой ситуации развертывания глобальных по масштабам Европы боевых действий на фронтах войны рассматривалось как недостойная великой державы авантюра. Камнем преткновения стало и заявка на включение территории Словакии в будущее государство.

Не получил одобрения и проект создания самостоятельной чешской армии. Предложенный чешскими колонистами вариант, что лишь идея создания независимого чешского государства может рассматриваться как идейная основа процесса формирования чешско-словацкого войска в России, также не нашел понимания в российских высших сферах по целому ряду и политических и вполне материальных доводов. Чехам не удалось консолидировать позиции разных российских структур, занимающихся военными вопросами.

В то же время участвующие в обсуждении этих проблем стороны уже отдавали себе отчет,

что прошли те времена, когда преданность, исключительная ориентированность на Австро-Венгрию была для чехов неизменной данностью. Все более четкой, насыщенной конкретным содержанием становилась доминантная цель чешского национального движения. Так, в России в самых его истоках, так же как и позднее, во время создания чешско-словацких вооруженных формирований его идейной базой стала национальная идеология. Именно стремление к национальному самоопределению сначала чешского, а затем и словацкого народов послужило тем стержнем, вокруг которого могли сплотиться широкие массы колонистов и военнопленных.

При этом российский истеблишмент стал все более четко осознавать, что так называемое русофильство в интерпретации чешских деятелей есть не что иное как инструмент для достижения далеко идущих целей чехов. Правда на этом этапе, пока, не в противовес России, а при ее поддержке и с ее помощью. Отдавая дань высоким чувствам искренней преданности общеславянским идеалам, о чем неизменно заявляла чешская сторона, российские власти толковали русофильство не столько как веру в Россию-освободительницу, сколько хотели видеть в нем способность и готовность чехов быть полезными гражданами этого государства.

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф.133. Канцелярия МИД. – Оп.470. – Д.170. 1914. «К вопросу о восстановления Чешского Королевства».
2. АВПРИ. – Ф.134. «Архив “Война”». – Оп.473. – Д.168.
3. АВПРИ. – Ф.135. Особый политический отдел (ОПО). – Оп.474. – Д.215.
4. АВПРИ. – Ф.135. ОПО. – Оп.474. – Д.293.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф.1198 к. – Оп.1. – Д.85. Типографский экземпляр.
6. РГВА. – Ф.1198к. – Оп.1. – Д.304.
7. РГВА. – Ф.1198к. – Оп.1. – Д.978/5198.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф.863. – Оп.1. – Д.1. Личные документы Ю.И. Клецанды.
9. РГИА. – Ф.863. – Клецанда Ю.И. – Оп.1. – Д.11.
10. РГИА. – Ф.863. – Оп.1. – Д.34. Переписка Ю.И. Клецанды с женой Марией Эдуардовной Клецандовой. 1915-1917 гг.
11. РГИА. – Ф.863. – Оп.1. – Д.102
12. РГИА. – Ф.909. Д.Н. Вергуна. – Оп.1. – Д.222.
13. РГИА. – Ф.909. Д.Н. Вергуна. – Оп.1. – Д.376.
14. РГИА. – Ф.909. Д.Н. Вергуна. – Оп.1. – Д.384. Memorandum, týkající se osvobození českého národa Ruskem a obnovení státní samostatnosti zemí českých v historických a národopisných hranicích.
15. Неизвестные документы из царского архива. Письмо генерала Алексея в Ставку Верховного главнокомандующего от 16 (29) ноября 1914 г. // Воля России. – Прага, 1924. – № 8-9.
16. Война и общество в XX веке. Кн. 1-3. – Кн. 1. – М.: Наука, 2008. – 611 с.
17. Клеванский А.Х. «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус». Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1920 / А.Х. Клеванский. – М.: Наука, 1965. – 394 с.
18. Латыш М.В. Национальный вопрос в программе чешских буржуазных партий в годы Первой мировой войны (1914-1917 г.г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М.В. Латыш. – М., 1985. – 16 с.
19. Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. – Martin: Неография. 2001. – 157 с.
20. Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны / М.Д. Савваитова // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994 – С.113-126.
21. Седова Н.В. Чешский вопрос в период кризиса монархии Габсбургов. 1909-1914 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н.В. Седова. – М., 2004. – 16 с.
22. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 / Е.П. Секрапионова. – М.: Наука, 2006. – 512 с.
23. Vojenský ústřední archiv. Praha. Ф. Коллекция «важные документы».
24. Masaryk T.G. Válka a revoluce II. Články – memoranda – přednášky – rozhovory. 1917 / T.G. Masaryk. – Praha: Ústav T.G. Masaryka, 2008. – 357 s.
25. Československá legie v Rusku. 1914 – 1920. Výstava konaná u příležitosti 90. výročí vzniku samostatného Československého státu. Katalog. Praha: odbor archivní správy a spisové služby MV, 2008. – 135 s.
26. Papoušek Jaroslav. Rusko a československé legie v letech 1914-1918 / Jaroslav Papoušek. –V Praze: Nákladem Slovan. Ústavu, Orbis, 1932.

РЕЗЮМЕ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В 1914 – 1915 гг.

«Конструктивное» русофильство или национальный прагматизм?

Ненашева З.С. (Москва)

В статье на основе новых архивных материалов показано, что инициативы, предпринятые в 1915 – начале 1916 г. политически активными чехами-колонистами не смогли оказать серьезного влияния на умонастроения российского истеблишмента. Прежде всего не получила поддержки идея разрушения Австро-Венгрии и создания «независимой Чехии» при непосредственном, на тот момент практически исключительном содействии России. Построенная на идеологическом фетише (каким являлось русофильство во всех его трактовках и интерпретациях) их политическая программа стала весьма уязвимой для критики. Приоритет национально-государственных задач, очевидный для самих чехов, не вписывался в планы внешнеполитического ведомства России. Предложенный чешскими колонистами вариант, что лишь идея создания независимого чешского государства может рассматриваться как основа процесса формирования чешско-словацкого войска в России, также не нашел понимания в российских высших сферах по целому ряду политических и вполне материальных доводов. Чехам не удалось консолидировать позиции разных российских структур, занимающихся в эти годы военными вопросами.

Ключевые слова: чешское национальное движение, Россия, русофильство, чешское государство, чешско-словацкое войско.

SUMMARY

IDEOPOGICAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE CZECH NATIONAL MOVEMENT IN RUSSIA IN 1914 – 1915's.

"Constructive" Russophilia or national pragmatism?

Z. Nenasheva (Moscow)

In this paper, based on new archival material shows that the initiatives taken in 1915 – the beginning of 1916 the politically active Czechs-colonists could not have a major impact on the minds of the Russian establishment. First of all, was not supported by the idea of the destruction of Austria-Hungary and the creation of "an independent Czechia" with the direct, at that time almost entirely Russia's assistance. Built on an ideological fetish (which was Russophilia in all its treatments and interpretations) of their political program has become very vulnerable to criticism. The priority tasks of nation-state, obvious to themselves Czechs did not fit into the plans of the Russian Foreign Ministry. Proposed by Czech colonists option that only the idea of an independent Czech state can be considered as the basis of the formation of the Czech-Slovak troops in Russia, also did not find understanding in the Russian high spheres for a variety of political and material reasons it is. The Czechs failed to consolidate the position of various Russian agencies involved in the years to military matters.

Key words: Czech national movement, Russia, Russophilia, the Czech state, the Czech-Slovak army.